

Виктор Астафьев

Мною рожденный

Часть сборника
Печальный детектив (сборник)

Виктор Астафьев
Мною рожденный

«ЭКСМО»

1987

Астафьев В. П.

Мною рожденный / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1987

ISBN 978-5-457-09851-0

«Одиночество доконало и меня, бабу общительную, бурную характером... Почему я выбрала в исповедники вас? Не знаю. Не только потому, конечно, что в творческой молодости своей вы бывали у нас, хотя и нечасто пивали и не только кофей. Думаю, что доверие, которое вы вызвали последними вещами у читателей, в том числе и у меня, подтолкнуло меня к этому письму...»

ISBN 978-5-457-09851-0

© Астафьев В. П., 1987
© Эксмо, 1987

Виктор Астафьев

Мною рожденный

«О хитроумном Идальго Дон Кихоте Ламанчском» и не только о нем рассказ этот. И Бога ради простите, что я, выражаясь по-старинному, пишу к вам. Говорили: «Велика Россия, но отступать некуда». А тут жизнь прожита и рассказать про нее некому. Но хочется. Никогда не хотелось, однако при «окончании пути» вдруг потянуло.

Одиночество доконало и меня, бабу общительную, бурную характером...

Почему я выбрала в исповедники вас? Не знаю. Не только потому, конечно, что в творческой молодости своей вы бывали у нас, хотя и нечасто пивали и не только кофей. Думаю, что доверие, которое вы вызвали последними вещами у читателей, в том числе и у меня, подтолкнуло меня к этому письму.

Так что сами виноваты – терпите.

Начинали-то вы, как и большинство ваших сверстников, не то чтобы лукаво, но как-то отстраненно от бед и нужд народных. Быстренько пристроились к сладкозвучному хору лириков. «Мой Лизочек так уж мал, так уж мал...» – очень проникновенно пел когда-то, даже в самые черные наши годы, Сергей Яковлевич Лемешев, он и до старости не перестал петь этот прелестный пустячок. Но одно дело петь про Лизочка в шестидесятые годы и совсем другое – в тридцатые. Всюду пели. Громко пели, помогая себе не только жить и строить, но и чтоб не слышать, что делается в застенках, где люди кричали под пытками и с мученическими стонами массами погибали в краях, не всегда уж и сильно отдаленных.

Выходит, песня помогала не только строить, но и не слышать муки ближнего. Чудовищно!

Но стоп, стоп! Снова стоп! Я так никогда не начну письма к вам, а мне ведь надо еще успеть его закончить и отослать вместе с одной штуковиной.

Итак, о себе (хватит мне хлопотать за других и говорить о других. Устала). Итак, я родилась и до четырнадцати лет росла в семье московских совслужащих. Отец мой служил по экономической части в каком-то ведомстве, имеющем отношение к оборонной промышленности.

Мать моя была учителем-словесником. Обычная московская семья со средним достатком. По наследству или еще как, знать не знаю, отцу досталась обширная квартира в одном из старых домов на Рождественском бульваре и довольно хорошо подобранная библиотека.

Они-то, квартира и библиотека да старомодная шляпа мамы и пенсне отца, и сыграли, как я теперь догадываюсь, роковую роль в судьбе нашей небольшой семьи.

Кто-то хорошо знал маленькую семью, некоторую вольность в суждениях начитанных родителей насчет текущего момента, разговорил словоохотливых совслужащих и продал по дешевке.

Я хорошо помню ту ночь и потому, что такое забыть невозможно, и потому, что накануне мне исполнилось четырнадцать лет, у нас были гости, пили чай, немного вина, и мне высокоинтеллектуальные родители подарили на день рождения книгу «Дон Кихот». Подарочное издание с восхитительными иллюстрациями Доре. Они, родители, от этой книги были без ума, а я не очень – еще не пришел мой возраст и черед для литературы такого рода. Она, эта книга, как и жизнь, лишь с первого взгляда проста, потешна и всем доступна.

Словом, когда пришли они, книга «Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский» забыто лежала у дверей, на подставке старого зеркала в коридоре. Я не скажу, что все произошло врасплох, но сказать, что мы – папа, мама и тем более я – к этому были готовы, тоже не возьмусь. Это, как болезнь и смерть, – всегда неожиданно, всегда не вовремя, всегда

страшно. Прополка шла по всей стране. По Москве она шла особенно ударно, и, конечно, тихо по углам об этом шептались и, как курицы-несушки на насесте, сдвигаясь, заполняя опустевшее место, надеялись, что уж кого-кого, а меня-то не возьмут в отруб и в ощи́п – не за что – обыкновенная несушка с телом, истощившимся от старательного труда. Есть птицы покрупнее и пожирнее.

Сейчас почти все, пусть и не все, но известно, как они брали, и я повторяться не буду. Моих родителей брали, видимо, уже в ту пору, когда разгул карающего меча был широкий, размашистый, и они уже ничего не стеснялись, никого не боялись, и даже не особенно таились, понимая, что страх и время уже работают на них и честно работает на них сплоченный вокруг них передовой трудящийся народ. Обладающий новой, высокой сознательностью и моралью, он не подведет их в справедливом, очистительном деле.

И он их не подвел. Часть народа, и немалая, в сопровождении конвоя и собак брела покорным табуном на бойни, другая часть тайком вздыхала, плакала или улюлюкала на митингах, проклинала, подталкивала в спины, свистела и плевала вослед страдальцам посредством радио, газет и просто так, от избытка чувств и голодной слюны.

Вместе с деловитыми, спокойно свое дело исполняющими последователями железного Феликса в квартире нашей появилась парочка – он и она. Молодые еще, но в себе уже уверенные. Он – младший лейтенант в новенькой шинели и в нарядном картузе военного училища, этакий блекленький паренек с голубенькими глазами и окающим говорком. Мне еще запомнились ямочки на его пухленьких, горящих от внутреннего возбуждения щеках. Она постарше его, чернявая, вся какая-то правильно-прямая и лицом тощая. Она все чокала. «А это чо, Васечка?» – спрашивала, и Вася словоохотливо пояснял: «А это, Нюсечка, трюмо», «А это, Нюсечка, унита́з называется». – «А по чо он голубой?» – «Так ведь интеллигенция же, Нюсечка, затаившиеся буржуи, Нюсечка». – «А бильбаотека-то! Бильбаотека-то! Неужто они все книги прочитали, Васечка?» – «А чего ж им еще было делать, книжки читали да вредили, да контрреволюционные разговоры вели, Нюсечка».

Я как-то так поглощенно загляделась на этих, деловито по нашей квартире шныряющих людей, так их заслушалась, что и не заметила, как осталась одна. Стою, оттесненная в коридоре, к вешалке, и мне уж нигде нет места.

Тихо вдруг стало и пусто-пусто! Только те, двое, все шныряют, шныряют и удивляются умиленно: «Нюсечка – Васечка, Васечка – Нюсечка...»

Нюсечка и обнаружила меня в коридоре: «А ты чо тут делаешь, девочка?» Я стою и лепечу ей, жду, мол. «Чо ждешь-то?» – «Да когда вы уйдете, чтоб прибраться...» «Васечка, Васечка! – взвеселилась Нюсечка. – Ты послушай! Послушай! Вот умора! Она ждет, когда мы уйдем.. Во, глупая! Во, дурная...»

Васечка, уже без шинели, в распоясанной гимнастерке со сверкающими значками «Ворошиловского стрелка», МОПРа, ГТО, ПВХО и отдельно краснеющим на груди, над кармашком, комсомольским значком, больно ткнул в мою грудь коротеньким пальцем и нравоучительно проокал: «Запомни, дорогая, – мы здесь навсегда селимса. Мы отсудова никуда и никогда не уйдем. А ты... Где твое пальтецо-то? Одевай-ко пальтецо-то и ступай, ступай себе...» – «Куда?» – «А это уж не наше дело, не наша забота...»

И я надела пальтецо, шапочку вязаную надела, рукавички. Нюсечка следила, чтоб я ничего лишнего не взяла. Помню, остановилась я у дверей – страшно одной идти неизвестно куда, к кому и зачем. И вдруг увидела «Дон Кихота». Я взяла книгу, прижала к груди и спросила: «Можно мне? Можно, я возьму эту книгу?» Нюсечка выхватила у меня книгу, послунывила палец, полистала, фыркнула: «Срами́ти́ша-то какая! – и, шевеля губами, прочла: – «Дорогой Леночке, доброй девочке в день ангела книгу о самом добром человеке!» «Ладно уж, – милостиво разрешила Нюсечка. – Мы тожа добрыя! Бери!» – и несильно, однако настойчиво вытолкала меня за дверь.

На дворе все еще было темно, и остаток ночи я просидела на лестнице. Утром отправилась в школу. Директор школы куда-то звонил насчет меня. В тот же день меня оформили и увезли в специальный детприемник.

Дальше все не очень интересно.

Два года в детприемнике и специальная – заметьте, какая я спец! – и специально-исправительно-трудовая колония для подростков. Мне восемнадцать – и специально-воспитательно-трудовая колония для женщин, уже без обозначения возраста, но все же «специальная». В этой «специальной» я не выдержала и кончала жизнь самоубийством, но, видимо, несерьезно кончала и попала в специальный изолятор, где встретилась с человеком, который во время Первомайской демонстрации намеревался метнуть букет цветов с хитро заделанной вовнутрь гранатой на трибуну Мавзолея и убить товарища Молотова и товарища Кагановича. Почему Молотова? Почему Кагановича? А не всех сразу? Граната же! Сила ж!

Сколько товарищ этот ни доказывал, что дальше пятнадцати метров никогда ничего не кидал, а от демонстрантов до трибуны Мавзолея саженей сто, не меньше, тем более граната-то еще и в букете – цветы мешают полету, парусят...

Но там и не таких коварных врагов раскалывали, этому быстро доказали, что враг может все, и ничего ему не стоит даже государство взорвать, а не только букет на трибуну Мавзолея кинуть. Он тут же все осознал и признал, что да, каких только чудес на свете не бывает, теоретически возможно метнуть букет не только на Мавзолей, но аж через Кремлевскую стену.

Покуситель этот на жизнь вождей мирового пролетариата нигде не бывал, ничего делать не умел, баловался стишками, сочинял что-то и быстренько «дошел» в Коми-лесах до полных кондиций.

Когда я, вынутая из петли, обнаружила его в лагерной больнице, ни в нем, ни на нем уже ничего не держалось, рот от пелагры распылен...

Он был еще несчастней меня, и, как ни странно, я его выходила, ну и, вполне естественно, выхаживая его, ожила сама.

Мы полюбили друг друга. Вы, конечно, помните: «Она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним», ну так это про нас с Олежком – так звали моего возлюбленного. Он имел «червонец», не денег, нет, а десять лет сроку и пять – поражения в правах. У меня была «пятерка» – за принадлежность к контрреволюционной организации, стало быть, к нашей погибшей семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.